

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ IX.

ВЫПУСКИ I—IV.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЬМИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лш., № 12.

1896.

238. R. G. Bhandarkar. Report on the search for Sanskrit Manuscripts in the Bombay Presidency during the years 1884—85, 1885—86, and 1886—87. Bombay 1894. 138 стр. 8°.

Профессоръ Бхандаркаръ издалъ новый отчетъ о поискахъ за санскритскими рукописями въ бомбейскомъ президентствѣ за года 1884—1887. Всѣхъ рукописей приобрѣтенныхъ для правительства 1406, собраны онѣ въ Гуджаратѣ, Раджпутанѣ и у Махраттовъ; 126 изъ этихъ рукописей сочиненія авторовъ джайнской секты Digambara. Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на одно изъ этихъ сочиненій Digambara, одинъ рассказъ котораго, по нашему мнѣнію, долженъ быть сближенъ съ одною изъ джѣтакъ. Сочиненіе это Dharmaparikṣā, написано Amitagati въ 1014 по Р. Х. (Bhandarkar, p. 13); рассказъ, сближаемый нами съ джѣтакою, относится къ легендамъ о походженіяхъ бога Агни и въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ переданъ профессоромъ Бхандаркаромъ (I. c. p. 16).

Отшельникъ Маңдара Кауцика женился на вдовѣ и у него родилась дочь удивительной красоты, по имени Шāyā. Отправляясь съ женою на богомолье, отшельникъ рѣшилъ поручить кому нибудь охрану дочери. Брахма, Вишну и Шива не оказались подходящими, такъ какъ были слышномъ извѣстны своими любовными походженіями; выборъ отшельника остановился поэтому на богѣ смерти Яма. Однако и этотъ выборъ оказался неудачнымъ: Яма плѣнился дѣвухой и соблазнилъ ее. Чтобы скрывать ее отъ другихъ, онъ проглатывалъ ее и держалъ въ своемъ желудкѣ. Это замѣтилъ Vāyu, богъ вѣтра, и сказалъ объ этомъ Агни, который захотѣлъ ее увидать. Vāyu сказалъ ему, что Яма выбрасываетъ изъ себя дѣвуху и оставляетъ ее одну, только когда идетъ совершать омовенія и церемонію очищенія отъ грѣховъ (aghatasāṇa). Агни воспользовался подобной минутой и соблазнилъ дѣвуху. Когда Яма долженъ былъ вернуться Шāyā проглотила Агни и скрыла его въ своемъ желудкѣ. Агни исчезъ и весь міръ страдалъ отъ исчезновенія огня. Индра поручилъ Vāyu найти Агни, но тотъ нигдѣ не могъ его найти. Наконецъ онъ рѣшилъ, что есть еще одно мѣсто, гдѣ можетъ быть Агни и съ цѣлью найти его, Vāyu пригласилъ къ себѣ на пиршество всѣхъ боговъ. Для всѣхъ онъ приготовилъ по одному сѣдалищу и по одному приношенію, а для Ямы три. Яма спросилъ, что это значитъ и прибавилъ, что если Vāyu думалъ объ его возлюбленной, то и тогда нужно было только два сѣдалища и два приношенія. Vāyu обѣщалъ все объяснить и велѣлъ ему выбросить изъ себя Шāyā; когда Шāyā вышла, Vāyu велѣлъ ей въ свою очередь выбросить изъ себя Агни, она повиновалась и передъ удивленными взорами всѣхъ предсталъ Агни.

Джатака излагаетъ дѣло иначе, но въ общности нѣкоторыхъ существенныхъ чертъ слѣдуетъ, какъ кажется, видѣть несомнѣнное доказательство того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя версіями джайнской и буддической одного и того же разсказа, по всей вѣроятности, брахманскаго.

Джатаку мы сообщаемъ цѣликомъ въ переводѣ И. П. Минаева ¹⁾.

«Откуда идете?» Такъ повѣствовалъ учитель въ Жетаванѣ, намекая на однос духовнаго влюбленнаго. Учитель спросилъ его: «Правда ли, что ты влюбленъ?» И когда тотъ отвѣчалъ: «Правда, господинъ!» Учитель сказалъ: «Зачѣмъ ты возжелалъ женщину? Женщины недостойны довѣрія, неблагодарны. Въ древности ракшасы Данава, даже проглотивъ женщину и въ животѣ сохраняя ее, не могли охранить ее отъ единого человѣка. Какъ же ты сможешь?» Такъ сказавъ, онъ обратился къ прошедшему.

Въ древности, въ царствованіе царя Браһмадатты въ Бенаресѣ, Бодhisатва, отказавшись отъ страстей, отправился къ Гималайскимъ горамъ и тамъ выступилъ на путь. Достигнувъ ясновѣдѣнія и созерцанія, онъ жилъ тамъ, питаясь плодами и неплодами. Не подалеку отъ его хижины въ лѣствевѣ, жилъ ракшасъ Данава, который по временамъ приходилъ къ великому существу слушать законъ. Въ лѣсу же (тотъ же Данава), ставъ на дорогѣ, по которой ходили люди, хваталъ ихъ и поѣдалъ. Въ то время нѣкая дѣвушка-красавица изъ почтеннаго семейства, въ Касійской странѣ, была выдана въ отдаленную деревню; однажды, когда она, побывавъ на свиданіи съ отцемъ и матерью, возвращалась назадъ, Данава, при видѣ ея спутниковъ, грозно выступилъ; тѣ бросили оружіе и убѣжали. Данава, увидавъ оставленную красивую женщину въ колесницѣ, влюбился въ нее, повелъ ее въ свою пещеру, гдѣ и женился на ней.

Женившись, сталъ питать ее масломъ, рисомъ, рыбою, мясомъ и сладкими плодами; нарядилъ въ красивыя платья; посадилъ ее въ ларецъ, чтобъ ее сберечь; самый же ларецъ проглотилъ и носилъ его въ животѣ. Однажды онъ пожелалъ выкупаться и съ этою цѣлью отправился къ озеру; (тамъ), выбросивъ ларецъ, вынулъ оттуда жену, вымылъ ее, вымазалъ, нарядилъ и поставивъ около ларца, сказалъ: «Выпрями нѣсколько тѣло». Самъ же въ то же время отошелъ нѣсколько подалеже отъ берега, чтобъ она не подходила, и сталъ купаться.

Въ это время нѣкій геіій, по имени Vâyussaputto, съ мечемъ летѣлъ по воздуху. Жена, увидавъ его, подала знакъ: «Подходи». Геіій тотчасъ же спустился. Жена спрятала его въ ларецъ, на который сама сѣла, поджи-

¹⁾ Минаевъ, И. П. Нѣсколько разсказовъ изъ перерожденій Будды. Ж. М. Н. П. 1871. № 11, 126—129. Fausbøll. V. The Jātaka III, 527—531. Samuggajātaka.

дая прихода Данава. Когда же увидѣла, что тотъ подходитъ, показавшись ему, до его прихода открыла ларецъ, взошла туда, легла на чудесника и прикрыла его своимъ платьемъ. Данава, пришедъ, не изслѣдовалъ ларца; полагая, что тамъ жена, онъ проглотилъ его и отправился въ свою пещеру. По дорогѣ ему пришла мысль: «Давно не видалъ я подвижника, пойду сегодня, поклонюсь ему». (И въ слѣдъ за этимъ) онъ отправился туда. Подвижникъ издали, видя его приближающимся и узнавъ, что у него въ желудкѣ находятся двое, привѣтствуя, сказалъ первый стихъ:

«Откуда идутъ трое? Добро пожаловать, садитесь здѣсь! Все ли благополучно у васъ? Давно вы сюда не приходили» (1).

Услыхавъ это, Данава подумалъ: «Я пришелъ къ подвижнику одинъ; а онъ говоритъ: «три человекъ». Что онъ рассказываетъ? Говоритъ ли онъ такъ, считая и себя, или же болтаетъ, помѣшавшись? «Подумаю такъ, съѣлъ въ сторонѣ и въ отвѣтъ сказалъ второй стихъ:

«Я пришелъ сегодня сюда одинъ; нѣтъ никого другого здѣсь». О комъ ты, мудрецъ, говоришь: «Откуда идутъ трое?» (2).

Подвижникъ спросилъ: «Вполнѣ желаешь выслушать?»

«Да, господинъ!»

«Такъ слушай же». И за сѣмъ сказалъ третій стихъ:

«Ты одинъ, да жена твоя милая, посаженная въ ларецъ и проглоченная; тобою оберегаемая въ животѣ, она тамъ наслаждается съ геніемъ» (3).

Услыхавъ это, Данава подумалъ: «Геніи весьма искусны; если у этого есть въ рукѣ мечъ, — разрѣзавъ животъ, онъ бѣжитъ». Спѣшно испугавшись, онъ выбросилъ ларецъ и поставилъ его передъ собою.

Учитель, когда сдѣлался великимъ буддhoю, разъясняя это обстоятельство, сказалъ четвертый стихъ:

«Выбросилъ тамъ ларецъ испуганный Данава, когда мудрецъ ему открылъ (дѣло), и увидалъ жену съ чистыми гирляндами, наслаждающеюся тамъ съ геніемъ» (4).

Какъ только открыли ларецъ, геній, проглотивъ питье, схватилъ мечъ и пустился по воздуху. Увидавъ это, Данава, восхваляя великое существо, сказалъ остальные стихи:

«Ты, тяжкіе подвиги свершающій, вѣрно прозрѣлъ; низки тѣ люди, которые во власти у женщины; вотъ эта хотя оберегалась мною цѣною жизни, и все-таки, измѣнивъ мнѣ, наслаждалась съ другимъ (5).

«Днемъ и ночью я за нею ухаживалъ, какъ за огнемъ подвижникъ, живущій въ лѣсу; а она, отступивъ отъ закона, согрѣшила. Не должно связываться съ женщинами (6)».

«Я думалъ объ этой безнравственной, грѣшной: «она у меня въ тѣлѣ... она моя»; а она, отступивъ отъ закона, согрѣшила. Не должно связываться съ женщинами (7).

«Какъ можетъ довѣряться (мудрецъ мыслит): «эту я хорошо охраняю». Нѣтъ между вѣтреницами охраняемой. Овѣ то же, что адскіи омутъ.

«Тотъ идетъ къ бѣдствію, который въ нихъ влюбляется (8).

«Тѣ радостны, у тѣхъ нѣтъ скорби, кто отрѣшился отъ женщинъ. Желающій высшаго счастья, да не связывается съ женщинами» (9).

Такъ сказавъ, Данава упалъ въ ноги великому существу, и восхваляя его, сказалъ: «Господинокъ, тебѣ я обязанъ, что сохранилъ жизнь; едва геній этой грѣшницы не убилъ меня».

Великое существо, научая его въ законѣ, сказалъ: «Не дѣлай вреда ей; прими заповѣди». И даровалъ ему пять заповѣдей.

Данава отослалъ жену, сказавъ: «Сохранивъ тебя въ животѣ, не могъ тебя уберечь; пусть кто другой бережетъ тебя». И ушелъ въ свой лѣсъ.

Учитель, научая и разъясняя истины, истолковалъ перерожденія. Въ концѣ проповѣди влюбленный достигъ первой степени святости.

«Тогда подвижникъ, обладавшій небеснымъ окомъ, былъ я».

Сходство разсказовъ очевидное. Роль Ямы въ джѣтакѣ играетъ Dānava, вмѣсто Агни vidyādhara Vāyussa putto, т. е. сынъ Vāyu, раскрываетъ тайну отшельникъ, который является совѣтъмъ новымъ дѣйствующимъ лицомъ, явно вставленнымъ для морализирующаго конца. Детальныя сближенія при отсутствіи джайнскаго текста конечно пемыслимы, но мы считаемъ нужнымъ отмѣтить врядъ ли случайно выбранное имя «сынъ Vāyu», которое можетъ быть слѣдуетъ объяснить той покровительственной ролью, которую играетъ Vāyu, а также и полную тождественность обонхъ разсказовъ въ способѣ открытія тайны, намекомъ на *три существа*.

Геній, хранящій своихъ двухъ женъ внутри себя и выбрасывающій ихъ, причемъ одна жена грѣшитъ съ чужими мужчнами, упоминается въ Kathā-Sarit-Sāgara (tag. 63), но тамъ разсказъ совѣтъмъ другой; можно только отмѣтить, что при описаніи генія указано, что онъ съ мечемъ (khadgī l. c. 63, 18), тоже говорится и про vidyādhara въ джѣтакѣ (sannaddhakhaggo, l. c. III, 528). Интересную параллель мы находимъ еще и въ камаонской сказкѣ (Мпнаевъ, стр. 85—89).

Мы остановились такъ долго на этомъ разсказѣ объ Агни, потому что считаемъ теперь важнымъ для исторіи индійской литературы собраніе фактовъ объ обработкѣ однихъ и тѣхъ же сюжетовъ брахманами, буддистами и джайнами¹⁾.

1) Укажемъ здѣсь кстати на связь между Kumbhākārajātaka (№ 408) и джайнскими разсказами у Jacobi H. Ausgewählte Erzählungen in Māhārāshtri IV—VII: Die vier Pratyekabuddha. Мы имѣемъ въ виду рассмотреть подробно эти разсказы въ другомъ мѣстѣ.